

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
Муниципальный этап 2017-2018 уч.год

7 класс

Задание 1

В телепередаче «Игра в бисер» (канал «Культура») ведущий И. Волгин приглашает литературоведов, актеров, драматургов, сценаристов, писателей, критиков и других обсудить одно классическое художественное произведение.

Представьте себе, что вы ведущий такой телепередачи. Как бы вы её назвали? Какое произведение русской классики обсудили? Кого бы пригласили для обсуждения?

Прорекламируйте выбранное вами произведение (оно должно реально существовать и быть написано нашим современником), раскрыв основные черты этого текста (краткая характеристика - примерно 5-7 предложений).

Задание 2

Прочитайте стихотворение **А.Д. Дементьева «Мне подарили книгу»**. Какую роль играет книга в жизни лирического героя? Оформите свои впечатления и наблюдения в виде краткого анализа этого стихотворения. При работе можете опираться на предложенные вопросы.

А. Д. Дементьев

Мне подарили книгу

Мне подарили книгу,
Редкий том —
Собрание удивительных историй:
Чужие судьбы,
Радости и горе,
И письма —
Знаменитостей притом.
Я книгу эту залпом прочитал.
Потом еще раз,
И еще,
И снова.
И все, о чем я некогда мечтал,
Сквозь жизнь чужую
Мне явило слово.
И горевал я горестями вновь,
Разлуки клял
И радовался встречам.
Мне жить порою просто было нечем,
Когда чужая рушилась любовь.
А ты читала книгу вслед за мной.
Пометки наносила осторожно.
И я по ним читал характер твой —
О, как же были мы с тобой похожи!

И потому, быть может, книга та
Еще прекрасней стала и роднее,
Что две души
Вновь встретились над нею.
Два сердца породнились навсегда.
Но книгу ту украли у меня,
Как будто душу музыки лишили.
Или очаг,
Где рядом люди жили,
Оставили надолго без огня...
(1974 г.)

Вопросы:

- а) В чём особенности композиции (построения) стихотворения?
- б) Что переживает лирический герой?
- в) Какие словесные изобразительные и выразительные образы, детали кажутся вам особенно значимыми? Объясните роль этих деталей для понимания стихотворения.
- г) О чём это стихотворение? Какие мысли, чувства хотел передать А. Дементьев своему читателю?

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
Муниципальный этап 2017-2018 уч.год
8 класс

Задание 1

В телепередаче «Игра в бисер» (канал «Культура») ведущий И. Волгин приглашает литературоведов, актеров, драматургов, сценаристов, писателей, критиков и других обсудить одно классическое художественное произведение.

Представьте себе, что вы ведущий такой телепередачи. Как бы вы её назвали? Какое произведение русской классики обсудили? Кого бы пригласили для обсуждения?

Прорекламируйте выбранное вами произведение (оно должно реально существовать и быть написано нашим современником), раскрыв основные черты этого текста (краткая характеристика - примерно 5-7 предложений).

Задание 2

Прочитайте стихотворение **М.И. Цветаевой «Книги в красном переплёте»**. Какую роль играют книги в жизни лирической героини? Оформите свои впечатления и наблюдения в виде анализа этого стихотворения. При работе можете опираться на предложенные вопросы.

М.И. Цветаева

Книги в красном переплёте

Из рая детского житья
Вы мне привет прощальный шлёте,
Неизменившие друзья
В потертом, красном переплёте.

Чуть легкий выучен урок,
Бегу тотчас же к вам, бывало.
— Уж поздно! — Мама, десять строк!..—
Но, к счастью, мама забывала.

Дрожат на люстрах огоньки...
Как хорошо за книгой дома!
Под Грига, Шумана и Кюи
Я узнавала судьбы Тома.

Темнеет... В воздухе свежо...
Том в счастье с Бэки полон веры.
Вот с факелом Индеец Джо
Блуждает в сумраке пещеры...

Кладбище... Вещий крик совы...
(Мне страшно!) Вот летит чрез кочки
Приёмыш чопорной вдовы,
Как Диоген, живущий в бочке.

Светлее солнца тронный зал,
Над стройным мальчиком — корона...
Вдруг — нищий! Боже! Он сказал:
«Позвольте, я наследник трона!»

Ушёл во тьму, кто в ней возник,
Британии печальны судьбы...
— О, почему средь красных книг
Опять за лампой не уснуть бы?

О, золотые времена.
Где взор смелей и сердце чище!
О, золотые имена:
Гек Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!
(1908-1910 гг.)

Вопросы:

- а) В чём особенности композиции (построения) стихотворения?
- б) Как движется взгляд лирической героини? Какие образы перед ней возникают? Что она переживает?
- в) Какие словесные изобразительные и выразительные детали кажутся вам особенно значимыми? Объясните роль этих деталей для понимания стихотворения.
- г) Обратите внимание на систему повторов в поэтической речи. Какой эффект они создают, чему служат?
- д) О какой книге, какого автора вспоминает лирическая героиня? А какая книга для вас является такой же интересной, увлекательной, незабываемой?

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
Муниципальный этап 2017-2018 уч.год
9 класс

Задание 1. Аналитическое задание

**Проведите целостный анализ текста – прозаического ИЛИ поэтического
(выбор типа текста – право участника олимпиады):**

Проза: выполните целостный анализ рассказа **В.М. Шукшина «Солнце, старик и девушка»**, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации:

- композиционные особенности текста;
- диалоги героев, правдиво воспроизводящие живую речь;
- пейзажные зарисовки.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

В.М. Шукшин

Солнце, старик и девушка

Дни горели белым огнем. Земля была горячая, деревья тоже были горячие.

Сухая трава шуршала под ногами. Только вечерами наступала прохлада. И тогда на берег стремительной реки Катунь выходил древний старик, садился всегда на одно место – у коряги – и смотрел на солнце. Солнце садилось за горы. Вечером оно было огромное, красное. Старик сидел неподвижно. Руки лежали на коленях – коричневые, сухие, в ужасных морщинах. Лицо тоже морщинистое, глаза влажные, тусклые. Шея тонкая, голова маленькая, седая. Под синей ситцевой рубахой торчат острые лопатки.

Однажды старик, когда он сидел так, услышал сзади себя голос:

– Здравствуйте, дедушка!

Старик кивнул головой.

С ним рядом села девушка с плоским чемоданчиком в руках.

– Отдыхаете?

Старик опять кивнул головой. Сказал;

– Отдыхаю.

На девушку не посмотрел.

– Можно, я вас буду писать? – спросила девушка.

– Как это? – не понял старик.

– Рисовать вас.

Старик некоторое время молчал, смотрел на солнце, моргал красноватыми веками без ресниц.

– Я ж некрасивый теперь, – сказал он.

– Почему? – Девушка несколько растерялась. – Нет, вы красивый, дедушка.

– Вдобавок хворый.

Девушка долго смотрела на старика. Потом погладила мягкой ладошкой его сухую, коричневую руку и сказала:

– Вы очень красивый, дедушка. Правда.

Старик слабо усмехнулся:

– Рисуй, раз такое дело.

Девушка раскрыла свой чемодан.

Старик покашлял в ладонь:

– Городская, наверно? – спросил он.

– Городская.

– Платют, видно, за это?

– Когда как, вообще-то, Хорошо сделаю, заплатят.

– Надо стараться.

– Я стараюсь.

Замолчали.

Старик все смотрел на солнце.

Девушка рисовала, всматриваясь в лицо старика сбоку.

– Вы здешний, дедушка?

– Здешний.

– И родились здесь?

– Здесь, здесь.

– Вам сколько сейчас?

– Годков-то? Восемьдесят.

– Ого!

– Много, – согласился старик и опять слабо усмехнулся. – А тебе?

– Двадцать пять.

Опять помолчали.

– Солнце-то какое! – негромко воскликнул старик.

– Какое? – не поняла девушка.

– Большое.

– А-а... Да. Вообще красиво здесь.

– А вода вона, вишь, какая... У того берега-то...

– Да, да.

– Ровно крови подбавили.

– Да. – Девушка посмотрела на тот берег. – Да.

Солнце коснулось вершин Алтая и стало медленно погружаться в далекий синий мир. И чем глубже оно уходило, тем отчетливее рисовались горы. Они как будто придвинулись. А в долине – между рекой и горами – тихо угасал красноватый сумрак. И надвигалась от гор задумчивая мягкая тень. Потом солнце совсем скрылось за острым хребтом Бубурхана, и тотчас оттуда вылетел в зеленоватое небо стремительный веер ярко-рыжих лучей. Он держался недолго – тоже тихо угас. А в небе в той стороне пошла полыхать заря.

– Ушло солнышко, – вздохнул старик.

Девушка сложила листы в ящик.

Некоторое время сидели просто так – слушали, как лопочут у берега маленькие торопливые волны.

В долине большими клочьями пополз туман.

В лесочке, неподалеку, робко вскрикнула какая-то ночная птица. Ей громко откликнулись с берега, с той стороны.

– Хорошо, – сказал негромко старик.

А девушка думала о том, как она вернется скоро в далекий милый город, привезет много рисунков. Будет портрет и этого старика. А ее друг, талантливый, настоящий художник, непременно будет сердиться: "Опять морщины!.. А для чего? Всем известно, что в Сибири суровый климат и люди там много работают. А что дальше? Что?.."

Девушка знала, что она не бог весть как даровита. Но ведь думает она о том, какую трудную жизнь прожил этот старик. Вон у него какие руки... Опять морщины! "Надо работать, работать, работать..."

– Вы завтра придете сюда, дедушка? – спросила она старика.

– Приду, – откликнулся тот.

Девушка поднялась и пошла в деревню.

Старик посидел еще немного и тоже пошел.

Он пришел домой, сел в своем уголке, возле печки, и тихо сидел – ждал, когда придет с работы сын и сядут ужинать.

Сын приходил всегда усталый, всем недовольный. Невестка тоже всегда чем-то была недовольна. Внуки выросли и уехали в город. Без них в доме было тоскливо. Садись ужинать.

Старику крошили в молоко хлеб, он хлебал, сидя с краешку стола. Осторожно звякал ложкой о тарелку – старался не шуметь. Молчали.

Потом укладывались спать.

Старик лез на печку, а сын с невесткой уходили в горницу. Молчали. А о чем говорить? Все слова давно сказаны,

На другой вечер старик и девушка опять сидели на берегу, у коряги. Девушка торопливо рисовала, а старик смотрел на солнце и рассказывал:

– Жили мы всегда справно, грех жаловаться. Я плотничал, работы всегда хватало. И сыны у меня все плотники. Побило их на войне много – четырех. Два осталось. Ну вот с одним-то я теперь и живу, со Степаном. А Ванька в городе живет, в Бийске. Прорабом на новостройке. Пишет; ничего, справно живут. Приезжали сюда, гостили. Внуков у меня много, Любют меня. По городам все теперь...

Девушка рисовала руки старика, торопилась, нервничала, часто стирала.

– Трудно было жить? – невпопад спрашивала она.

– Чего ж трудно? – удивлялся старик. – Я ж тебе рассказываю: хорошо жили.

– Сыновей жалко?

– А как же? – опять удивлялся старик. – Четырех таких положить – шутка нешто?

Девушка не понимала: то ли ей жаль старика, то ли она больше удивлена его странным спокойствием и умиротворенностью.

А солнце опять садилось за горы. Опять тихо горела заря.

– Ненастье завтра будет, – сказал старик.

Девушка посмотрела на ясное небо:

– Почему?

– Ломает меня всего.

– А небо совсем чистое.

Старик промолчал.

– Вы придете завтра, дедушка?

– Не знаю, – не сразу откликнулся старик. – Ломает чего-то всего,

– Дедушка, как у вас называется вот такой камень? – Девушка вынула из кармана жакета белый, с золотистым отливом камешек.

– Какой? – спросил старик, продолжая смотреть на горы.

Девушка протянула ему камень. Старик, не поворачиваясь, подставил ладонь.

– Такой? – спросил он, мельком глянув на камешек, и повертел его в сухих, скрюченных пальцах. – Кремешок это. Это в войну, когда серянок не было, огонь из него добывали.

Девушку поразила странная догадка: ей показалось, что старик слепой. Она не нашлась сразу, о чем говорить, молчала, смотрела сбоку на старика. А он смотрел туда, где село солнце. Спокойно, задумчиво смотрел.

– На... камешек-то, – сказал он и протянул девушке камень. – Они еще не такие бывают. Бывают: весь белый, аж просвечивает, а снутри какие-то пятнушки. А бывают: яичко и яичко – не отличишь. Бывают: на сорочье яичко похож – с крапинками по бокам, а бывают, как у скворцов, – синенькие, тоже с рябинкой с такой.

Девушка все смотрела на старика. Не решалась спросить: правда ли, что он слепой.

– Вы где живете, дедушка?

– А тут не шибко далеко. Это Ивана Колокольникова дом, – старик показал дом на берегу, – дальше – Бедаревы, потом – Волокитины, потом – Зиновьевы, а там уж, в переулочке, – наш. Заходи, если чего надо. Внуки-то были, дак у нас шибко весело было.

– Спасибо.

– Я пошел. Ломает меня.

Старик поднялся и пошел тропинкой в гору.

Девушка смотрела вслед ему до тех пор, пока он не свернул в переулок. Ни разу старик не споткнулся, ни разу не замешкался. Шел медленно и смотрел под ноги. «Нет, не слепой, – поняла девушка. – Просто слабое зрение».

На другой день старик не пришел на берег. Девушка сидела одна, думала о старике, что-то было в его жизни, такой простой, такой обычной, что-то непростое, что-то большое, значительное. «Солнце – оно тоже просто встает и просто заходит, – думала девушка. – А разве это просто!». И она пристально посмотрела на свои рисунки. Ей было грустно.

Не пришел старик и на третий день и на четвертый.

Девушка пошла искать его дом.

Нашла.

В ограде большого пятистенного дома под железной крышей, в углу, под навесом, рослый мужик лет пятидесяти обстругивал на верстаке сосновую доску.

– Здравствуйте, – сказала девушка.

Мужик выпрямился, посмотрел на девушку, провел большим пальцем по вспотевшему лбу, кивнул:

– Здорово.

– Скажите, пожалуйста, здесь живет дедушка...

Мужик внимательно и как-то странно посмотрел на девушку. Та замолчала.

– Жил,– сказал мужик.– Вот домовину ему делаю.

Девушка приоткрыла рот:

– Он умер, да?

– Помер.– Мужик опять склонился к доске, шаркнул пару раз рубанком, потом посмотрел на девушку.– А тебе чего надо было?

– Так... я рисовала его,

– А-а.– Мужик резко зашаркал рубанком.

– Скажите, он слепой был? – спросила девушка после долгого молчания.

– Слепой.

– И давно?

– Лет десять уж. А что?

– Так...

Девушка пошла из ограды,

На улице прислонилась к плетню и заплакала. Ей было жалко дедушку. И жалко было, что она никак не сумела рассказать о нем. Но она чувствовала сейчас какой-то более глубокий смысл и тайну человеческой жизни и подвига и, сама об этом не догадываясь, становилась намного взрослей.

ИЛИ

Поэзия: выполните целостный анализ стихотворения **К.Д. Бальмонта «Я – изысканность русской медлительной речи»**, приняв во внимание следующие его аспекты: мысли и чувства лирического героя, поэтический синтаксис, музыкальность, особенности рифмы, система изобразительно-выразительных средств.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

К.Д. Бальмонт

Я – изысканность русской медлительной речи

Я – изысканность русской медлительной речи,

Предо мною друг поэты – предтечи,

Я впервые открыл в этой речи уклоны,

Перепевные, гневные, нежные звоны.

Я – внезапный излом,

Я – играющий гром,

Я – прозрачный ручей,

Я – для всех и ничей.

Переплеск многопенный, разорвано-слитный,

Самоцветные камни земли самобытной,

Переключки лесные зеленого мая –

Всё пойму, всё возьму, у других отнимая.

Вечно юный, как сон,

Сильный тем, что влюблѣн
И в себя и в других,
Я – изысканный стих.
(1903 г.)

Задание 2. Творческое задание

Герои поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» оживленно обсуждают проблемный вопрос: «Кому живется весело, Вольготно на Руси?».

Прочитайте фрагмент поэмы:

«В каком году – рассчитывай,
В какой земле – угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков:
Семь временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина.
Горелова, Неелова –
Неурожайка тож,
Сошлись – и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому! –
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Старик Пахом потужился
И молвил, в землю глядячи:
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю...
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь –
Колом ее оттудова
Не выбьешь: упрутся,
Всяк на своем стоит!
Такой ли спор затеяли,
Что думают прохожие –
Знать, клад нашли ребяташки

И делят меж собой...
По делу всяк по своему
До полдня вышел из дому:
Тот путь держал до кузницы,
Тот шел в село Иваньково
Позвать отца Прокофия
Ребенка окрестить.
Пахом соты медовые
Нес на базар в Великое,
А два братана Губины
Так просто с недоуздорком
Ловить коня упрямого
В свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою –
Они рядком идут!
Идут, как будто гонятся
За ними волки серые,
Что дале – то скорей.
Идут – перекоряются!
Кричат – не образумятся!
А времечко не ждет».

Какова была бы ваша позиция в развернувшейся дискуссии? С кем из ее участников вы бы согласились, а кому возразили? По каким именно аспектам? Запишите своё «выступление» в этом споре, раскройте в нём свою позицию.

Задание 1. Аналитическое задание.

Проведите целостный анализ текста – прозаического ИЛИ поэтического (выбор типа текста – право участника олимпиады):

Проза: Выполните целостный анализ рассказа С.С. Замятина «Верное сердце», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации:

- композиционные особенности текста;
- основную проблематику текста;
- роль авторской позиции.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

С.С. Замятин

Верное сердце

(...) Нашего дома давно уже нет. На месте нескольких домов, теперь стоит серая многоэтажка. Иногда, я думаю: что это даже хорошо, что моего дома больше нет,- я не буду просить людей живущих, теперь в нём, пустить меня на минутку, и объяснять, что я там жил раньше. Мне, не надо с замиранием сердца переступать порог, и хватаясь за грудь, жадно ловя ртом воздух, от приступа тоски и безысходности, прислоняться к стене.

Если бы он ещё стоял, я возможно бы, выкупил его за любые деньги, но поселиться в нём - было бы безумием.

Лёжа ночью на диване, я бы слышал знакомые с детства звуки: далёкий лай собаки, хлопанье белья, выстиранного мамой, и сушившегося на верёвке за окном; звуки лодочного мотора, засветло уплывающего рыбака, лёгкий стук веток сирени в окно, неровную барабанную дробь дождевых капель и ещё много знакомых звуков, видений и воспоминаний,- реальных и придуманных.

У каждого из нас был свой городок...

Деревянный дом, в котором жила Люда, стоит до сих пор. В нём живут другие люди, которые могут рассказать историю своей жизни в городке.

Время не выбирают,- в нём живут. Но, городка уже давно нет, потому что нет того времени, хотя почти все дома стоят на месте, и так же блестит на солнце мокрая галька, и живы кусты сирени и акации, растущие вдоль заборов. Они разрослись и перевалили за ограду так, что улица стала казаться узкой и они полностью скрывают под собой ленту колючей проволоки, протянутой под их ветвями новыми жильцами. Никто не услышит радостных возгласов вставших в кружок ребят, играющих в волейбол на небольшом пустыре, около деревянного дома с дверьми, выкрашенными голубой и уже облупившейся краской.

На крыльце, всегда сидела грустная русоволосая девочка, лет четырнадцати, и обняв колени, наблюдала за нашей игрой. Они с мамой приехали недавно,

никто не знал, откуда они приехали. Люда страдала пороком сердца. В школу она не ходила,- преподаватели приходили к ней на дом.

Отца у девочки не было, мама работала в котельной в воинской части, ни с кем не дружила и не ходила ни к кому в гости. Маленькая, худенькая в платке, надвинутом на лоб, она быстрыми мелкими шагами шла по улице после смены, рано утром домой, где сидя у окна ждала её Люда.

Притоптывая ногами, отряхивая пыль, она быстро скрывалась за голубой дверью в тихую неизвестность, пока кто-нибудь из нас, снова не увидит её, идущей рано утром со смены. Не могли её выманить из дома даже вой пожарных сирен, и крики людей, когда по соседству загорелся и сгорел такой же дом. Что уж, говорить о её соседке Розе, которая своим криком будила всех соседей, но в квартире Люды всегда было тихо и казалось безжизненно.

Рано поседевшая Роза чистила цветник, и нагнувшись над клумбой, была выше ростом дяди Лёши, своего супруга. Дядя Лёша, с всегда потной лысой головой, пытался пройти мимо стоящей на дорожке Розы. Когда-то чёрные кудри Розы, а теперь рано поседевшие, разбежались по лицу, закрывая лоб и глаза,- виден был только большой нос с горбинкой. (...).

Дядя Лёша, в звании мичмана, служил в мастерских радиомехаником. Никогда не расставался с военной формой, и даже в жаркую погоду, во дворе дома, носил китель, накинутый на голые плечи. Попросить его отремонтировать телевизор, можно было, только перехватив его по дороге домой, у моста. (...).

- Хорошо. Скажи отцу,- вечером приду!

Никогда не обманывал. Приходил всегда вовремя. Деньги он не брал. (...).

В тот день, я шёл прощаться со своим детством и юношеством. Впереди, меня ждала служба, что-то новое, неизведанное, тревожащее сердце. В один из вечеров, перед отъездом, очень хотелось посидеть в одиночестве, на берегу реки, посмотреть на закатное солнце.

Знакомой дорогой я шёл к реке.

На крыльце сидела Люда. Она, быстро поднялась и подошла ко мне:

- Ты на реку идешь? Можно, я с тобой? Я не буду тебе мешать.

- А, мама знает, что ты уходишь на реку?

- Мама на дежурстве. Но мы же ненадолго? Тут же недалеко, правда?

Мы сидели на траве на невысоком обрывистом берегу, поставив босые ноги на серый песок. Пахло тиной и аиром. Было очень тихо. Иногда, лёгкая приливная волна с лёгким хлюпаньем закатывалась под берег, вымывая чёрные кусочки камыша, заполненные речным песком, нежилые домики моллюсков, и разноцветные песчинки. С противоположного берега по воде, отчётливо докатывались отдельные слова и девичий смех.

- Как хорошо всё слышно, - удивилась Люда,- а смотри как далеко до берега! Ты видишь их?! - и закрываясь от огромного багрового, - такого я не видел больше никогда,- закатного солнца, ладошкой вытянутой руки, она другой показывала на противоположный берег.

На бетонных плитах разрушенного причала, угадывались два силуэта обнимающейся влюблённой пары.

- А ты уже, наверное, много раз с девушками целовался? – спросила она.

- Целовался...

- А меня, ещё никто не целовал... - тихо произнесла Люда.

- Как никто, а мама? - попытался схитрить я.

- Я не помню. Может и целовала... но, я говорю о настоящем поцелуе, понимаешь?

И сменив тему разговора спросила:

- А ты, скоро в армию уходишь, да?

- Да. Но, не в армию, а во флот. На три года.

- Три это долго, лучше два, - убедительно произнесла Люда.

- А мне, лучше во флоте служить, как брат и отец. Буду письма маме писать.

- А своей девушке, будешь? - она вытянула губу и выдохнула на закрывающую глаза чёлку.

- Моя девушка, - я сделал непроизвольную паузу, - недавно вышла замуж... Мы помолчали.

- Я скоро умру, - тихо сказала Люда, глядя на свои ноги, роя пальцами ямку в песке.

- Не думай об этом. Если не думать, - то ничего и не произойдёт. А, потом я знаю, - соврал я, - многих, которые, до самой старости живут с пороком сердца, и ты сама мне говорила, что твоя мама врачам в клинику писала.

- Писала... На операцию надо ехать в Москву или в Ленинград...

- А вы поедете?

- Не знаю. Мама говорит, что поедет. А почему, вы больше не играете в волейбол, тут у дома?

- Играем, но теперь редко. Переместились в другое место, - на берег, в берёзовую рощу.

- Да знаю это далеко!

- Ну, не так и далеко, зато до воды ближе. Разыграемся, - и сразу в воду!

- Как вам хорошо! – произнесла она мечтательно.

Потом повернулась ко мне, и провела рукой по моим волосам, и прижала свою ладошку к моей щеке:

- А у тебя, небольшой шрам остался, от того удара мячом, ты помнишь? – и нежно дотронулась до моего виска.

- Конечно, помню! Шнуровкой на мяче зацепило. А ты, мне йод из дома притащила! И всё-таки я уговорил тебя, один раз, поиграть с нами!

Солнце совсем ушло за горизонт. Мы с Людой возвращались по домам. Около её дома, я оглянулся, и в последний раз посмотрел на реку.

Закатные краски совсем поблекли. Противоположный берег темнел сваями старого причала. Строительные краны, склонив головы, грустно смотрели на свои широко расставленные стальные ноги. Ещё недавно, зелёная стена камышей посередине реки стала серой, она быстро подрастала, и уже скрыла за собой, почти весь далёкий берег, влюблённую парочку, крыльцо на котором всегда сидела Люда, летающий над нашими головами мяч. С трудом, был уже различим и весь наш городок, своим расположением напоминающий большой военный корабль, на котором продолжали служить пусть и отставные, но по-прежнему, военные моряки, в своих кубриках или на боевых постах. (...).

Я стоял на веранде у окна, и смотрел на уже летнюю природу. Липа под окнами оживилась нежными листочками, - они были совсем ещё тонкие, и такие нежные, что сквозь них пробивались солнечные лучи. Моё сердце билось

спокойно и ровно, готовое принять все предстоящие перемены в жизни. Из комнаты доносился застольный гул голосов, - меня провожали на службу.

- Пригласи, эту девочку! – вошла мама на веранду.

- Какую девочку, - удивился я.

- Там, девочка, второй час по улице прохаживается! Наверное, хочет, чтобы ты её пригласил?

Я увидел Люду. Скрестив руки, обняв себя за плечи, она медленно шла вдоль нашего забора, пиная ногой лёгкие камешки.

- Смотри,- сказала мама,- сейчас она дойдёт до конца улицы, и обратно пойдёт!

- Мама, она же ещё маленькая! Ей, только, четырнадцать лет. И у меня Таня есть! Вернее, была... И вообще, может быть, она просто прогуливается...

- Вот ты, просто так, и пригласи...

- Нет! - решительно ответил я, объясняя маме, что я не хочу давать надежду девушке, на дальнейшие отношения. Что, хочу уехать из дома на три года без всяких обязательств. Что, кроме Тани, мне никто не нужен.

- Ну, смотри,- огорчённо сказала мама, - пожалеешь,- и ушла к гостям.

Рано утром, когда городок ещё спал, когда не рассеялся туман над рекой я уехал на военную службу.

Когда прошли три года, и я вернулся, я направился в конец улицы, навестить наших друзей и соседей, Анну Ивановну и Константина Ивановича.

Как всегда, сажая цветы, покрикивала Роза. Дядя Костя сидел посреди комнаты на табуретке и парил ноги в тазике. Прямо на меня с фотографии на стене, неслись, оставляя за собой огромные белые буруны холодного Балтийского моря, торпедные катера.

Дядя Костя, поднялся с табуретки и стоя по щиколотку в воде, притянул меня к себе и поцеловал:

- Ревматизм замучил. Разнотравьем, разнотравьем лечить его надо! Вот накопил сегодня в огороде! Аня, подлей горяченькой! Завра в гости придём к вам. Ты дома-то будешь, или жениться пойдёшь?! – засмеялся он.

- Я и пришёл, вот, показаться и пригласить вас! Скажите, а как ваша соседка, Люда? – спросил я, твёрдо решив, сегодня же, постучатся в голубую дверь и зайти к ней.

- Люда? Девочка, которая больна,- спросила тётя Аня, - так умерла она! Год тому назад умерла. У неё же порок сердца был...

- Порок сердца был,- растерянно повторил я,- а похоронили её, где?

- Да, не было в городке похорон, правда, Костя?

- Нет, не было! – помотал он головой, поднимая то одну, то другую ногу.

- Она в больнице умерла. За ней скорая приезжала, - продолжала рассказывать тётя Аня,- а мать её, через несколько дней, рассчиталась и уехала куда-то к себе на родину.

Дома, когда я разбирал пухлые, от скопившихся снимков альбомы, мне под ноги, выпала небольшая фотография: на фоне вытянутых рук, отбивающих мяч, на тёмном крыльце, белым размытым пятном, виднелась неясное изображение Люды. В нём, угадывалась ободряющая улыбка, и казалось, что Люда, смотрит прямо на меня, но я не помнил, чтобы кто-то из нас, когда-нибудь, приходил туда с фотоаппаратом.

Я, рассматривал снимок под разным углом, наклонял его в разные стороны на вытянутой руке, но всё равно,- Люда смотрела прямо мне в глаза.

Если долго всматриваться, можно было различить шевеление её губ.

Мне казалось, как будто она, со мной разговаривала. Но ничего не было слышно...

Кто и когда из нас, сделал эту фотографию,- неизвестно.

В память об этой девочке я написал этот рассказ.

ИЛИ

Поэзия: выполните целостный анализ стихотворения **В.В. Маяковского «Ода революции»**, приняв во внимание следующие его аспекты: мысли и чувства лирического героя, поэтический синтаксис, особенности лексики, особенности рифмы, система изобразительно-выразительных средств.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

В.В. Маяковский

Ода революции

Тебе,
освищенная,
осмеянная батареями,
тебе,
изъявленная злословием штыков,
восторженно возношу
над руганью реемой
оды торжественное
«О»!
О, звериная!
О, детская!
О, копеечная!
О, великая!
Каким названьем тебя еще звали?
Как обернешься еще, двуликая?
Стройной постройкой,
грудой развалин?
Машинисту,
пылью угля овечьему,
шахтеру, пробивающему толщи руд,
кадишь,
кадишь благоговейно,
славишь человеческий труд.
А завтра
Блаженный
стропила соборы

тщетно возносит, пощаду моля,—
твоих шестидюймовок тупорылые боровы
взрывают тысячелетия Кремля.
«Слава».
Хрипит в предсмертном рейсе.
Визг сирен придушенно тонок.
Ты шлешь моряков
на тонущий крейсер,
туда,
где забытый
мяукал котенок.
А после!
Пьяной толпой орала.
Ус заливчатский закручен в форсе.
Прикладами гонишь седых адмиралов
вниз головой
с моста в Гельсингфорсе.
Вчерашние раны лижет и лижет,
и снова вижу вскрытые вены я.
Тебе обывательское
— о, будь ты проклята трижды!—
и мое,
поэтово
— о, четырежды славься, благословенная! —
(1918 г.)

Задание 2. Творческое задание

Герои пьесы М. Горького «На дне» (1902 г.) оживленно спорят о человеке, о том, какой он, об отношении к нему.

Прочитайте высказывания героев пьесы:

Лука. «Человека пожалеть никогда не поздно»... «Мне – все равно! Я и жуликов уважаю; по-моему, ни одна блоха – не плоха: все черненькие, все – прыгают»... «А все – люди! Как ни притворяйся, как ни вихляйся, а человеком родился, человеком и помрешь...» «... А разве можно человека эдак бросать? Он – каков ни есть – а всегда своей цены стоит...» «Человек может добру научить»...

Сатин. ... «Всё – в человеке, всё для человека! Существует только человек, все же остальное – дело его рук и его мозга! Человек! Это – великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью... уважать надо! Выпьем за человека, Барон! (Встает.) Хорошо это... чувствовать себя человеком!.. Я – арестант, убийца, шулер... ну, да! Когда я иду по улице, люди смотрят на меня как на жулика... и сторонятся и оглядываются... и часто говорят мне – «Мерзавец! Шарлатан! Работай!» Работать? Для чего? Чтобы быть сытым? (Хохочет.) Я всегда презирал людей, которые слишком

заботятся о том, чтобы быть сытыми... Не в этом дело, Барон! Не в этом дело! Человек – выше! Человек – выше сытости!»...

Какова была бы ваша позиция в развернувшейся дискуссии? С кем из её участников вы бы согласились, а кому возразили? По каким именно аспектам? Запишите своё «выступление» в этом споре, раскройте в нём свою позицию. В каких ещё художественных произведениях есть размышления о сущности человека?

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

Муниципальный этап 2017-2018 уч.год

11 класс

Задание 1. Аналитическое задание

**Проведите целостный анализ текста – прозаического ИЛИ поэтического
(выбор типа текста – право участника олимпиады):**

Проза: Выполните целостный анализ рассказа **Е.Г. Водолазкина «Моя бабушка и королева Елизавета»**, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации:

- пространственно-временные отношения;
- включение исторических образов, деталей;
- значение авторской позиции.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Е.Г. Водолазкин

Моя бабушка и королева Елизавета

О бабушках пишут редко. Если, конечно, это не какая-нибудь выдающаяся бабушка – например, ныне покойная королева-мать. О Елизавете я вспомнил как о бабушке образцовой и, так сказать, общепризнанной. Выражаясь на туркменский лад, бабушке всех англичан. Моя собственная бабушка Наталия такой известностью не обладала, она была бабушкой только двух человек – меня и моего двоюродного брата, – но, кажется, именно поэтому заслуживает особого внимания. Она родилась позже Елизаветы (в 1907-м) и умерла раньше её (в 1989-м), так что даже в отношении долгожительства они находятся не в равных позициях. Стоит ли говорить, что и судьбы их сложились по-разному.

Бабушка появилась на свет в семье школьного учителя. После непродолжительной жизни в Прибалтике семья переехала в Петербург, где отец стал директором гимназии и в его распоряжении оказалась квартира с прислугой на Троицком проспекте. Жизнь директора до октябрьского переворота была на редкость благополучной. Бабушкины воспоминания тех лет: искрящиеся снегом шубки детей, яркий, какой-то даже непетербургский румянец на щеках – словно из цветного кино, сменившегося впоследствии чёрно-белым. Пересекая время от времени Троицкий проспект, я всякий раз думаю о том, что именно отсюда, отправив семью на Украину, прадед ушёл добровольцем в белую армию. В памяти бабушки – домашний траур по государю и его семье.

В 1920 году генерал П. Н. Врангель обращается к будущему тестю Елизаветы Карлу V с просьбой принять разгромленную белую армию (её потом примут другие страны). Карл не отвечает. Англичане увлечены скупкой дешёвого зерна, отобранного продразвёрсткой. Думаю, что, даже если бы Карл и ответил тогда белому генералу, у моей бабушки было бы не много шансов встретиться с Елизаветой. Прежде всего потому, что прадед, хоть и не вернулся в Питер, бежать за границу не стал. Он отправился к семье на Украину – туда, где его никто не

знал, и продолжил работать учителем в советской школе. Иногда (не вдаваясь в детали) выступал как ветеран Гражданской войны. Во Вторую мировую войну прадед уже не воевал, но – он до неё дожил, что, учитывая его биографию, само по себе было достижением.

Во Вторую мировую войну Елизавета запрещала топить камины в Букингемском дворце, чтобы, чего доброго, не подумали, что ей живётся лучше её подданных. На скорбном фоне А. А. Жданова, объедавшегося в блокадном Ленинграде ананасами, это, конечно, был поступок. Что же касается моей бабушки, то у неё никогда не было ни камина, ни подданных – за исключением разве что её учеников. В начале войны ей приходилось решать задачи другого рода. С двумя маленькими дочерьми она ехала в эвакуацию. И разумеется, тогда она ещё не была бабушкой.

По дороге у неё украли чемоданы, и она привыкла обходиться без вещей. Сметану на южном базаре продавали на пригоршни, и она научилась подавлять в себе брезгливость. Учительскую зарплату ей выдавали школьным цементом (его насыпали в старые наволочки), который было принято продавать на том же базаре. Вот на это у неё не хватило сил: мысль, что с цементной наволочкой её увидят ученики, казалась ей невыносимой.

Когда бабушка вернулась из эвакуации в Киев, её комната оказалась занятой соседями по коммуналке. В ожидании освобождения комнаты несколько месяцев она прожила у дальних родственников (никто не умеет унижать так, как дальние родственники). А бабушка всё не впадала в отчаяние – с двумя детьми у неё не было такой возможности. Суммируя бабушкин военный опыт, я бы сказал так: она вполне могла распорядиться не топить камины, но для красивых жестов жизнь предоставляла ей очень мало материала.

Хорошо помню нашу коммуналку. Крысы, сосед-алкоголик, очередь к единственному умывальнику с холодной водой (более подробное мытьё осуществлялось в бане). Картинка вроде бы удручающая, но есть ведь и другой ракурс: бабушка в нарядном платье идёт преподавать биологию в 44-ю киевскую школу. Номер остался в памяти потому, что соответствовал, если ничего не путаю, её педагогическому стажу (чтобы закончить с запомнившимися цифрами: её пенсия впоследствии составляла 58 р. минус рубль, вручавшийся почтальонке). Учительское служение преображало бабушку и поднимало её над коммунальными буднями. Оно, кстати говоря, производило впечатление и на неучёное большинство нашей квартиры – даже на тех, кто когда-то захватывал её комнату. Бабушкины же ученики посещали нас до самой её смерти.

Одним из её учеников был выдающийся поэт Наум Коржавин (бабушка знала его как Эму Манделя). «Вокруг неё всегда создавалась атмосфера доброты и, говоря сегодняшним языком, абсолютной порядочности», – написал мне о бабушке Коржавин. Один из самых искренних русских поэтов, в том же письме он прибавил: «Я к ней всегда относился хорошо, хотя предмет её я не любил, и он мне не давался».

Её жизненную позицию можно было бы определить как *терпение*, если бы это слово не заключало страдальческого оттенка, бабушке не соответствовавшего. Речь идёт о каком-то особом слиянии с бытием, об отсутствии по большому счёту к бытию претензий. Нечто каратаевское, но без литературности. Боязнь патетики, и оттого – лёгкая ирония. Много лет спустя я узнал этот тип в людях Русского

Севера, откуда была родом бабушкина мать. Интонации, жесты, а главное, мироощущение – всё это не стёрлось и в их киевской жизни.

Бабушка даже курила, как мать, – держа сигарету между большим и указательным пальцами. Пальцами, знавшими всякую работу и от неё загрубевшими, с тусклыми и слоистыми ногтями. На них никогда не было колец – бабушка не любила украшений. Однажды я нашёл во дворе золотое колечко с драгоценным, хочется верить, камнем и подарил ей. Я мало чего в своей жизни находил, но тут сосредоточился и нашёл – речь всё-таки шла о моей любимой бабушке. Надев мой подарок на палец, она вышла во двор и села на скамейку. Никогда ведь не сидела там (не любила дворовых бабок), а здесь зачем-то вышла. Может быть, кольцо показать. Там-то оно и бросилось в глаза владелице и – было ей немедленно вручено. Мне было по-детски жаль бабушку: всё-то от неё уплывало, даже малое её везение. Уже ребёнком я понимал, что кольцо – только частный случай. Бабушку же этот случай не огорчил. Хорошо понимавшая, что всякая находка – это чья-то потеря, она чувствовала явное облегчение.

Старение её было незаметно – как вообще незаметны изменения в человеке, живущем рядом. Разумеется, кое-что происходило уже не по-прежнему. Менялось, например, соотношение наших шагов: мой шаг увеличивался и ускорялся, бабушкин – наоборот. Я останавливался, ожидая её, и эти остановки отражали, увы, порой не столько превосходство моё в скорости, сколько раздражение, и она это (естественно) замечала. Уже после её смерти я нашёл её записки, в которых говорилось, что старость по отношению к молодости должна держать дистанцию. Старики плохо ходят, некрасиво едят, и лучше этого не делать в присутствии молодых. Сейчас, когда старость из отвлеченной идеи мало-помалу превращается для меня в реальную перспективу, я думаю, что бабушка была права. Невыигрышных сопоставлений следует избегать.

Старость охватывала её всё крепче, а бабушка всё не поддавалась. Старалась сохранять независимость. Независимое поведение – по крайней мере, явно выраженное – свойство молодости, да бабушка и чувствовала себя молодой. Несоответствие самоощущения её старческому облику снималось самоиронией. По утрам она говорила, что ей страшно подходить к зеркалу, потому что оттуда на неё смотрит страшная старуха. Такие заявления не требовали ответа, но внутренне я был с ними не согласен: на мой тогдашний, а уж тем более нынешний взгляд, бабушка выглядела вполне благообразно. Что, как известно, не всегда случается в старости.

Постепенность бабушкиного старения осуществлялась не без исключений. Одно из них я хорошо помню – это был её последний выход в магазин. Бабушка отправилась за покупками, но с полпути вернулась – она просто не смогла дойти. Вернулась гораздо старше, чем выходила.

Последняя моя встреча с бабушкой состоялась в ноябре 1988 года, когда я приезжал в Киев на её день рождения. Когда гости разошлись, она сказала, что это её последний день рождения. Спокойно сказала, как бы ставя в известность. Перед моим отъездом в Петербург повторила: «Я скоро умру». Она не болела (по крайней мере, не больше, чем обычно), но я знал, что сказанное ею – правда. Кокетство ей было несвойственно, да и слова её с делом обычно не расходились. Бабушка молчала, и я понял, что она ждёт моего ответа. Подавив ком в горле, я

сказал, что все умрут. Что я тоже умру. Мне казалось, что напоминание о всеобщем равенстве перед смертью могло бы стать лучшим словом утешения. Это было не так. Бабушка грустно посмотрела на меня и сказала: «Но ведь я умру раньше».

Она умерла через два месяца. Я лежал тогда после операции в одной из петербургских больниц. В день бабушкиной смерти я ушёл оттуда, потому что отчётливо понял, что её больше нет. Оказалось, что в это время мне уже была дана телеграмма о её смерти. Я вылетел в Киев. Как и бабушка, я стесняюсь проявлений сентиментальности, но помню, как из окна самолёта внимательно всматривался в облака. Мне казалось, что если у меня есть шанс увидеть её ещё раз, то произойдёт это именно там.

В том, что происходит на свете, часто просматривается режиссура, которую при невнимательном взгляде на вещи можно посчитать случайным стечением обстоятельств. Годы спустя, в один из приездов в Киев, я оказался на месте своего бывшего дома. Расчищенная площадка ещё дышала недавним жильём, и мне казалось, что за забором только что скрылся последний самосвал, увёзший обломки того, что было моим домом. Я поразился тому, что последний акт его драмы завершился в моём присутствии.

Справляясь с возникшим зиянием, я искал свидетельств существования моего дома и – не находил. На площадку выходил чёрный ход соседнего ресторана. За моими действиями следили два перекуривавших официанта. Поинтересовавшись у меня, что, собственно, происходит, они активно присоединились к поискам. Не прошло и минуты, как один из них поднял с земли старинную кованую скобу. Второй сбегал за пакетом, и скоба была мне вручена. Держа этот предмет в руках, я повернулся к площадке спиной и смотрел на пирамидальные тополя перед бывшим домом. Они стояли так, словно с ним ничего не произошло. Я попытался вести себя так же. Представил себе, что за спиной – наши окна, что в одном из них – бабушка, что она меня зовёт. И я услышал её голос.

Много лет занимаясь древнерусской литературой, я ловлю себя на том, что в каких-то областях и сам ощущаю влияние исследуемого материала. Например, в истории. Средневековые историки – люди совершенно особого склада. В свои сочинения они помещали вещи, которые современный историк, пожалуй бы, не заметил. Он просто не счёл бы их историческими событиями. В Хронике Георгия Монаха есть повествование о том, как разбойник убил путника, а собака убитого впоследствии указала людям убийцу. Этот рассказ занимает две трети главы о византийском императоре Льве IV. Почему? Потому что это аисторическое, по сути, повествование имеет в глазах Георгия нравственное содержание: оно говорит о неизбежном торжестве справедливости. С высокой – самой, может быть, высокой – точки зрения описанное событие значит не меньше, чем все деяния императора. В конце концов, важен лишь ответ на Страшном суде, а всё остальное – подробности.

На этой историософской ноте возвращаюсь к бабушке и, конечно же, к королеве. К двум современницам и, вне всякого сомнения, историческим лицам. Они совместно творили историю, хотя и представляли разные её фланги. У каждой была своя сфера ответственности, и каждая со своей сферой, нужно думать, справлялась. В бабушкину сферу, помимо её дочерей, в разное время

входили также мой двоюродный брат и я. Не хочется хвастаться, но, в отличие от Елизаветы, бабушка своими внуками осталась в целом довольна.

В перспективе вечности, вероятно, не так уже и важно, кто из них был королевой, ибо неизвестно, по слову Н. С. Лескова, «кто из нас в каком расчислении у Господа». Я гляжу на их фотографии и улавливаю сходство. Есть у стариков какое-то общее выражение – доброты и как бы уже нездешности. Возможно, это выражение и отражает то главное, что им случилось обрести в жизни. Я думаю, история не самоценна, у неё нет и не может быть никакой общественной цели. Её цель глубоко персональна и состоит в том, чтобы дать нам выразиться. Роль истории в определённом смысле сравнима с ролью рамы. А портрет создаём мы сами.

ИЛИ

Поэзия: выполните целостный анализ лирического произведения **Б.Л. Пастернака «Кремль в буран конца 1918 года»**, приняв во внимание следующие его аспекты: мысли и чувства лирического героя, поэтический синтаксис, особенности лексики, особенности рифмы, система изобразительно-выразительных средств.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Б.Л. Пастернак

Кремль в буран конца 1918 года

Как брошенный с пути снегам
Последней станцией в развалинах,
Как полем в полночь, в свист и гам,
Бредущий через силу в валяных.

Как пред концом, в упаде сил
С тоски взывающий к метелице,
Чтоб вихрь души не угасил,
Как тьмой последней все застелется,

Как схваченный за обшлага
Хохочущею вьюгой нарочный,
Ловящей кисти башлыка,
Здороваящуюся в наручных,

А иногда! - А иногда,
Как пригнанный канатом накороть
Корабль, с гуденьем, прочь к грядам
Срывающийся чудом с якоря,

Последней ночью, несравним
Ни с чем, какой-то странный, пенный весь
Он, Кремль, в оснастке стольких зим,

На нынешней срывает ненависть. -

И грандиозный, весь в былом,
Как визионера дивинация,
Несется, грозный, напролом,
Сквозь неистекший в девятнадцатый.

Под сумерки к тебе в окно
Он всею медью звонниц ломится,
Боишься, видно, - год мелькнет, -
Упустит и не познакомится.

Остаток дней, остаток вьюг,
Сужденных башням в восемнадцатом,
Бушует прядает вокруг,
Видать - не наигрались насыто.

За морем этих непогод
Предвижу, как меня, разбитого,
Ненаступивший этот год
Возьмется сызнова воспитывать.

(1918 г.)

Задание 2. Творческое задание

Герои произведения Аркадия и Бориса Стругацких «Трудно быть богом» обсуждают философские проблемы.

Прочитайте фрагмент прозаического текста:

«... - Сущность человека, - неторопливо жуя, говорил Будах, - в удивительной способности привыкать ко всему. Нет в природе ничего такого, к чему бы человек не притерпелся. (...) Затруднительно сказать, хорошо это или плохо. Не будь у человека такого терпения и выносливости, все добрые люди давно бы уже погибли, и на свете остались бы злые и бездушные. С другой стороны привычка терпеть и приспособливаться превращает людей в бессловесных скотов, кои ничем, кроме анатомии, от животных не отличаются и даже превосходят их в незащитности. И каждый новый день порождает новый ужас зла и насилия...

Румата поглядел на Киру. Она сидела напротив Будаха и слушала, не отрываясь, подперев щеку кулачком. Глаза у нее были грустные: видно, ей было очень жалко людей.

- Вероятно, вы правы, почтенный Будах, - сказал Румата. – (...) я безмерно люблю ученых людей (...). И мне невдомек, почему вы, хранители и единственные обладатели высокого знания, так безнадежно пассивны? (...) Почему вы отрываете смысл своей жизни - добывание знаний - от практических потребностей жизни борьбы против зла?

Будах отодвинул от себя опустевшее блюдо из-под пирожков.

- Вы задаете странные вопросы, дон Румата, - сказал он. – (...) Борьба со злом! Но что есть зло? Всякому вольно понимать это по-своему. Для нас, ученых, зло в невежестве, но церковь учит, что невежество - благо, а все зло от знания. Для землепашца зло - налоги и засухи, а для хлеботорговца засухи - добро. Для рабов зло - это пьяный и жестокий хозяин, для ремесленника - алчный ростовщик. Так что же есть зло, против которого надо бороться, дон Румата?

- Он грустно оглядел слушателей. - Зло неистребимо. Никакой человек не способен уменьшить его количество в мире. Он может несколько улучшить свою собственную судьбу, но всегда за счет ухудшения судьбы других. (...) Таковы люди, дон Румата, и таков наш мир».

Какова была бы ваша позиция в развернувшейся дискуссии? С кем из ее участников вы бы согласились, а кому возразили? По каким именно аспектам? Запишите своё «выступление» в этом споре, раскройте в нём свою позицию.